

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А.Б. Баллаев

Споры о Марксе

В последние годы в России начали появляться книги, в которых более или менее значительное внимание уделено К.Марксу, его философскому наследию. Это, несомненно, некий знак. Конец XX в. был богат публицистическими материалами о Марксе, чаще всего не имеющими отношения к истории философии. Пришли иные времена, и серьезные исследования в этой области сделались возможными. В них еще звучит «шум и ярость» недавнего прошлого, широко используется обличительный пафос в адрес достижений и преступлений советской эпохи. Однако причастность Маркса к этим прискорбным историческим феноменам уже стало должным доказывать и обосновывать, ругань потеряла достоинство самоочевидности. Естественно, вряд ли возможно рассматривать теоретическое наследие Маркса в отрыве от его же коммунистической ориентации, от истории марксизма, хотя кое-где градус политической страстности обсуждений уже упал чуть ли не до академической беспристрастности. Это стоит приветствовать, не соглашаясь с предостережениями Ж.Деррида против желания «приглушить политический императив в свободной экзегезе расклассифицированного творчества»¹. Деррида не согласен с тем, что бунтарь и революционер Маркс может, как обычный философ, «фигурировать в нашем великом каноне западной политической философии»², хотя все-таки именно к этому канону Маркс и принадлежит. Но глав-

ное, видимо, в том, что чтение текстов Маркса сквозь «идеологические очки», неважно какого направления, оставило слишком много штампов, искажений, неточностей и прямых фальсификаций, и когда-то нужно же начинать этого автора изучать, не преследуя посторонних целей. Пока же многие, пишущие о Марксе, стараются так или иначе оного Маркса использовать.

Этой низкой цели не чужды и некоторые из героев предлагаемого обзора, на что будет им указано в соответствующих местах. Но в основном цели у авторов новых книг вполне достойные, и здесь прежде всего стоит указать на последнюю работу академика Т.И.Ойзермана «*Оправдание ревизионизма*»³. Название указывает, что работа отнюдь не марксоведческая. Большую ее часть занимает изложение взглядов и мнений «ревизионистов». Под этим нескладным наименованием собраны люди, принимавшие участие в европейских и отечественных «левых» движениях и партиях и позволявшие себе критическое отношение к некоторым теоретическим положениям и практическим позициям марксизма. Это катедер-социалисты, русские легальные марксисты и народники, социалисты-фабианцы в Англии, социал-демократические теоретики второй половины XX в. и т.д. В философском отношении изложение критических аргументов этих авторов, включая Бернштейна, не слишком интересно, хотя и поучительно. Дело в том, что критика Маркса в основном концентрируется вокруг несоответствия его исторических прогнозов реальным фактам. Речь идет об упрощении социально-классовой структуры, о так называемом «абсолютном обнищании» пролетариата, о неизбежности революций и т.п. Политические и экономические аргументы Маркса, вызывавшие тогда наибольшее отторжение, все-таки относятся большей частью к выводам, следствиям из историсофских и политико-экономических концептов, теоретического «ядра» учения, которое только и значимо для философского анализа. «Ревизионизм» же, как часть идейно-политической борьбы партийного характера, подобными исследованиями практически не занимался, что в известной степени снимает его значимость как материала для собственно философского анализа творчества Маркса.

В то же время сам Т.И.Ойзерман затрагивает важную для понимания специфики философии Маркса, а частично и для более реалистического подхода к анализу текстов Маркса, тему «бытования» в системе культуры. Первая глава книги обосновывает взгляд автора на «внутренне присущий» учению Маркса догматизм. Конечно, большая часть этой главы вовсе не о Марксе, а о марксистах — от Плеханова до профессора Белецкого, который на автора писал доносы в ЦК, — но на Маркса тоже обращено достаточное внимание. В его наследии Т.И.Ойзерман находит теоретические положения, которые «превращались в догмы, т.е. верования, которые не основываются на фактах и не подтверждаются ими»⁴. Таковой догмой является, согласно Т.И.Ойзерману, «основная идея марксизма — идея неизбежности социалистического переустройства капиталистического общества». Собственно, больше уже ничего и не нужно, но автор книги приводит ряд положений «Манифеста коммунистической партии», которые в его глазах также являются догмами марксизма — о крахе капитализма, неизбежности кризисов, обнищании рабочего класса, близкой революции. Можно было бы не спорить с утверждениями автора книги, вполне резонными для его позиции, если бы не общая сомнительность столь обыденного, наивно-позитивистского истолкования «догматизма». Уж кто-кто, а Т.И.Ойзерман более чем знаком с традицией, представленной, например, Кантом, Шеллингом и Гегелем, с одной стороны, и историей многовековых споров о догматах в христианстве, с другой.

Да и в целом, «верования» людей, какими бы они ни были, имеют очень слабое отношение к «фактам», если вообще имеют. Тем не менее, остается вопрос, отчего же столь новая, «первой свежести» идеология (даже если она себя таковой не почитает) за какие-нибудь 40–50 (?) лет так каменеет, закрепляется в некоторых основных «догматах», что ее нужно «ревизовать», т.е. исправлять в соответствии с изменившейся исторической обстановкой? Если же учесть, что теоретической основой определенного праксиса она начала служить совсем незадолго до выступления Э.Бернштейна, то откуда же появились эти «догматы»? Может быть, «философия для бедных» (Б.Рассел) только и возможна в такой внешней форме, (т.е. сведенной, упро-

щенной до проповеди — катехизиса — манифеста — популярного учебника Афанасьева), где «догматизм» есть необходимость того же типа, что и та, которая заставляла Гегеля писать «Энциклопедию философских наук» и краткие курсы для нюрнбергских гимназистов? И тогда все сомнительные пассажи «Манифеста», возможно, нуждаются не в опровержении или защите, а в объяснении, в той самой «свободной экзегезе расклассифицированного творчества», которой опасается Ж.Деррида.

Книга К.М.Кантора *«Двойная спираль истории»*⁵, о которой пойдет речь далее, похожа на работу Т.И.Ойзермана только тем, что и в ней творчество Маркса вовсе не является материалом для историко-философского исследования. Но если в «Оправдании ревизионизма» таким материалом были критические атаки на марксизм со стороны даже по мелким масштабам XX в. почти незаметных персонажей, то «Двойная спираль истории» вписывает Маркса и марксизм в концепцию всемирной истории, где ей уделяется места не меньше и не больше, чем иудаизму, христианству и Возрождению. Но это и неплохо. Книга К.М.Кантора впечатляет своей масштабностью, широтой философско-исторического видения. Обычное историко-философское исследование занимается «вписыванием» идей и людей в контекст эпохи, национальной культуры, традиции; делается это (что всего более «обуживает») в рамках дисциплинарного разделения труда в научно-философском дискурсе. Для работы К.М.Кантора все это слишком мелко, недостойно его героев. Оригинальная историософская концепция автора, содержательно перспективное различение подлинной истории и внешнего, научно-технического и социального прогресса позволяет автору выстроить ряд из библейских пророков, создателей христианства, титанов Ренессанса (Шекспир, Микеланджело, Рабле). И в этом же ряду находится место, и очень заметное, для Маркса и его учения. Такой подход имеет право на существование хотя бы потому, что за последние годы мы как-то по привычке к «поношениям» Маркса как мыслителя, вплоть до полной демонизации этого человека и его творчества. Каждый желающий может найти в Интернете многочисленные статьи о Марксе, где его грубо обличают то как иудейского «сионского мудреца», то, наоборот, как открытого во-

инствующего антисемита или, еще лучше, как простого гешефтмахера, всю жизнь «доившего» своего друга Энгельса. Конечно, этой стороной дела можно бы и пренебречь, как памятники пренебрегают постоянной критикой голубиных стай, но и очистка время от времени не помешает, что и подтверждает работа К.М.Кантора.

В 2006 г., с опозданием более чем на 40 лет, на русском языке вышел — с предисловием и заключительной биографической справкой Э.Балибара — знаменитый, многократно переизданный сборник статей Л.Альтюссера «За Маркса»⁶. Название двойственное по смыслу — призыв к чтению и изучению трудов Маркса вместе с претензией «сказать за Маркса», даже, как выражается Э.Балибар, «заставить Маркса говорить больше, чем он действительно сказал, или даже говорить нечто совсем иное»⁷. Нужно сказать, что обе задачи Альтюссеру решить удалось, но если насчет первой всем все понятно, то относительно второй можно и поспорить. Я бы выразился так: Альтюссеру удалось сказать и больше Маркса, и нечто такое, что Марксу нельзя приписать ни при каких условиях. Сам по себе сборник неравноценен, в нем есть «случайные» работы, короткие предисловия к разным публикациям (к собственным альтюссеровским переводам Фейербаха и к новому переводу «Экономическо-философских рукописей 1844 г.»); имеется даже совсем необязательная театральная рецензия. Теоретически интересны статьи «Противоречие и сверхдетерминация», «О материалистической диалектике» и «Марксизм и гуманизм», а также весьма информативные дополнения, послесловия и предисловия Альтюссера к его труду.

Да, и о послесловиях. Альтюссер пояснял свои авторские намерения в 1967 г., затем значительно позже, и неизменно подчеркивал как бы двойную нагрузку своего труда — во-первых, чисто теоретическую, а во-вторых, практическую, вызванную желанием оказать воздействие на политический праксис своей партии, на «левое движение» в Европе. Было что-то, ныне почти напрочь забытое, что не устраивало Альтюссера в деятельности ФПК и в марксизме того времени. Наверное, это «что-то» было вполне достойно стать объектом его нападков. Но, вопрос, соответствует ли этой благой цели жанр историко-философского

исследования? Например, Альтюссер не раз утверждает свое понимание отношения философии Гегеля и Маркса – ему кажется, что влияние Гегеля сильно преувеличено. Отрыв «от Гегеля» введен и в содержание альтюссеровского «эпистемологического разрыва», и, особенно, в интерпретации марксовской и гегелевской концепций диалектики. Марксологический ли это вопрос – для Альтюссера? Только до известной степени. Альтюссер борется с преувеличением значения «раннего» Маркса, которое было присуще идеологическим противникам вне и внутри коммунистической партии Франции, т.е. «втаскивает» тексты Маркса на вечно замаранное ложе партийной публицистики. Меж тем задача вообще чисто *академическая*, сколько бы кто ни злоупотреблял классическими текстами. И задача эта более чем изучена историками философии, ибо теории различных «разрывов» в творчестве великих мыслителей постоянно возникают вновь и очень часто опровергаются, а аргументы в ту или иную сторону достаточно убедительны (например, «ранний» и «зрелый» Кант, то же самое с Фихте и Гегелем, не говоря уж о метаморфозах философии Шеллинга, Ницше или Гуссерля). Нужно исследовать тексты, но и там все непросто, ибо, скажем, высказываний об «отчуждении» в 1850–60-е годы, совпадающих с формулировками 1840-х годов, у Маркса можно найти предостаточно. Означает ли это, что «разрывов» не было? Нет, это лишь означает, что у истории философии и партийной публицистики различные задачи, и хотя «смешивать два эти ремесла» есть «тьма искусников», у Альтюссера это получалось не лучшим образом. Впрочем, вообще поиск «этапов творческого пути», разбивка наследия и биографий философов на периоды и фазы – один из простейших, «аспирантских» схематизмов историко-философского исследования, не слишком плодотворный даже там, где его применение вполне оправданно.

Стоит отметить в качестве ремарки, что у французских философов, пишущих о Марксе, странное отношение к словам. Альтюссеру не нравятся, и недаром, выражения «переворачивание с головы на ноги», «рациональное зерно под мистической оболочкой» и тому подобное. Что же тут делать? Философы, еще с Сократа и даже раньше него, знали, что каждое слово имеет какой-то смысл, иногда и неясный, частичный. Тем

более — целое выражение. Когда автору трудно одним словом или предложением выразить желаемый смысл, он прибегает к объяснениям, пояснениям, старается показать подразумеваемое при помощи сравнения с более понятным и знакомым, прибегает к иллюстрациям. Французы, типа Альтюссера или Деррида, радуются, когда находят такие пояснения — иллюстрации, и принимают именно их активно разъяснять и комментировать, тем самым отвлекая читателя от основного смысла слова или выражения и искажая мысли комментируемого автора. После подмены главного смысла слова его упрощающими пояснениями автор остается тем же самым, только его мысли выглядят куда глупее. Ну, так ли уж был Маркс глуп, чтобы создавать какую-то теорию «переворачивания» гегелевской философии или только диалектики? Зачем ему это? Что именно иллюстрирует это сравнение у Маркса?

В принципе, пусть не обижаются бесчисленные авторы текстов о диалектике у Маркса — покойные, ныне живущие и даже еще не родившиеся, но уже готовые поболтать на эту вечнозеленую тему, — *она не имеет к Марксу особого отношения*. Он не писал диалектики природы, не увлекался материалистической расшифровкой «Науки логики», он вообще считал гегелевскую диалектику вполне «годной к употреблению», минус ее мистический момент. Он и использовал гегелевские приемы исследования и изложения, как и все гегельянцы, но достаточно осторожно, в отличие от, например, Макса Штирнера. Вся знаменитая книга Штирнера о «Единственном» сконструирована из различных триад, часть которых прямо заимствована у Гегеля, а большинство весьма искусственны и грубо выстроены. Маркс же постоянно использует технику рефлексивных определений, схемы «в себе» и «для себя», категориальные схематизмы формы (крайне разнообразно), феномена и сущности и т.д. Иное дело Энгельс, который ученически сознательно старался приспособить гегелевские схемы для создания своей натурфилософии, плюс талантливо и популярно некоторые из этих схем описал. Такие «картинки» его переложений гегелевских схем, как диалектика свободы и необходимости, доступны для восприятия, как правила грамматики, но, однако, не имеют особого отношения к Марксу. Во многих текстах Марк-

са, где речь идет о свободе, необходимость как-то отсутствует: там же, где схема, казалось бы, используется во всей своей гегелевской диалектической чистоте, смысл сказанного может быть весьма разным образом интерпретирован. (Так, например, К.М.Кантор известное положение Маркса о «переходе» из «царства необходимости» в «царство свободы» — вместе с концом экономического принуждения человека к труду — понимает как возврат к библейскому смыслу свободы и подлинный переворот в европейской традиции после Августина.)

Думается, сама по себе тема «Маркс и диалектика» в какой-то степени нуждается в особом, критическом относительно марксистской традиции, освещении, а большинство имеющихся текстов, в том числе и альтюссеровские, все-таки имеют отношение скорее к Энгельсу, чем к Марксу. Впрочем, Альтюссер, с его негативным отношением к Гегелю, с обильным обращением к таким великим мастерам диалектики, как В.И.Ленин и (как же без него!) Мао Цзэдун; с понятием «сверхдетерминации» (что означает лишь некое обрезание основной экономической детерминации политического), чего же он добивается своими эссе о диалектике? Совсем немногого — воздействия на идеолого-политические нравы в ФПК и некоей модернизации марксизма как освобождения от сталинского догматизма. Маркс им не только исследуется, но и активно используется в благих целях.

Именно этот, весьма далекий от «чистоты помыслов», подход Альтюссера к объекту его изысканий лимитирует доверие к знаменитым текстам. Так, например, Альтюссер приписывает «зрелому» Марксу отказ от понятия «гражданского общества» как от детских, давно заброшенных одежд. Применение этого понятия в «зрелые годы» есть «аллюзия к прошлому, служащая лишь для того, чтобы отметить *место* своих открытий, а отнюдь не для того, чтобы найти в ней соответствующее *понятие*»⁸. Или, еще точнее: «...гражданское общество (как мир индивидуальных форм экономического поведения и их идеологического истока) исчезает у Маркса»⁹. Это, вежливо выражаясь, неправда, Альтюссер попросту хитрит, поскольку, видимо, надеется, что «другие» не обладают достаточным знанием текстов Маркса. Нужно же это ради обоснования любимой мысли о «разры-

ве» между Марксом и Гегелем, хотя именно гегелевские формулировки и понятийный смысл термина «гражданское общество» крайне близок Марксу еще во второй половине 1850-х годов, да и позже.

К.М.Кантор поставил Маркса в один ряд с Христом, ибо оба – создатели учений, играющих и поныне свою роль в жизни человечества. Не будем оценивать это сравнение, но заметим, что дополнительный момент сходства состоит в том, что множество желающих – не успел Маркс уйти в иной мир – постарались взять на себя функции апостола Павла. Упорядочить, реформировать, вписать в наличный порядок в качестве более или менее решительной оппозиции – видимо, это и стоит за деяниями людей типа Альтюссера. И опять же, в этом ничего предосудительного нет, кроме как невозможности самому Марксу себя объяснить и защитить. Вспоминается Фихте, доказывавший Канту, что он, Фихте, лучше понимает кантовскую философию, чем сам Кант. А это гносеологически невозможно, так как всякая интерпретация активна, она изменяет свой объект, и интерпретатор точно так же не может быть прозрачным для себя в своих комментариях, как и автор первичного текста. Лучше бы Альтюссер создавал свои «структуры с доминантой» без претензии вещать от лица Маркса и стараний повлиять таким образом на политику ФПК.

Читать сегодня Альтюссера нелегко. Лучшие тексты книги «За Маркса» кажутся какими-то археологическими экспонатами из раскопок французских политико-философских городищ. Забавны сделанные Балибаром в предисловии перечни созданных в конце 1940-х и в 1950-е гг. великих философских трудов, в основном французских: мемуаристы хвалят «свое время» по принципу кулика на своем болоте! Структуры, диалектика, ФПК, СССР, даже такие «вечные ценности», как франк и марка, – «забыты для других. Смотри: вокруг тебя все новое кипит, бывшее истребля», как сказано самым умным русским поэтом. Но кое-какие поучительные полезности из чтения «За Маркса» получить можно. И для более могучих умов, чем Альтюссер, некоторая консервация в своем времени, в «здесь и теперь» вряд ли содействует успешному «очищению интеллекта». Лишь хотя бы частичное недове-

рие ко всей этой исторической феноменологии, включая собственный экзистенциальный опыт, может служить пропуском в относительно органичное «любомудрие». А политическая деятельность в общепринятых во второй половине XX в. стандартах, какова она? Как выразился объект альтюссеровских изысканий в одном из писем Ф.Фрейлиграту, не следует удивляться и негодовать по поводу «грязи» в партийно-политической сфере, ибо там ее, грязи, и есть законное место. Несомненный талант Альтюссера, точность реконструкций, тонкие наблюдения за мыслью Маркса все же как-то второстепенны, случайны, не о главном эти песни.

Как вспоминает Деррида, в свое время он дружил с Альтюссером, состоял с ним в постоянном интеллектуальном контакте; наверное, он читал книгу «За Маркса». Следов этих контактов нет как нет в сочинениях Деррида «*Призраки Маркса*»¹⁰ и «*Маркс и сыновья*»¹¹, написанных в 1990-е гг., когда марксизм и Маркс (по мнению многих), и все его последователи и интерпретаторы дружно обратились в залетейские тени. Деррида создает, пользуясь некоторыми неосторожностями Маркса (не предсказавшего, кроме прочего, и появления деконструкции), эрзац-понятие или некий плацебо-образ, «*призрак*», чтобы обсудить современный статус Маркса в сферах познавательных (философия, политическая философия) и практических (реальность, «онтология», «новый Интернационал»). Эта задача подразумевает высказывания и об исторической ситуации, в которой находятся автор и цивилизация, и о специфике авторской позиции, причем последняя занимает практически весь текст книги «Маркс и сыновья», если вычтешь подробные пересказы и цитаты оппонировавших Деррида рецензентов. Отметим, что в откликах на «*Призраки Маркса*» более всего Деррида не устроили упреки немногих «марксистов» на запоздалость признания исторической значимости Маркса и его «призраков». Деррида отказал этим авторам в «праве собственности на Маркса», и на много ладов доказал, что его не поняли, превратно поняли или нарочно сделали вид, что не поняли. В итоге книжка «*Сыновья Маркса*» хотя и имеет отношение к интерпретации Маркса, но о Марксе, его текстах и концепциях почти ничего информативного не сообщает.

Напротив, «Призраки Маркса», несмотря на то, что посвящены «посмертному бытованию» учения Маркса, все же не избежали обращения к текстам некоторых Марксовых работ, давших автору повод сконструировать и приписать Марксу «призракологику», в которой тень отца Гамлета соседствует с «призраком, бродящим по Европе» в «Манифесте коммунистической партии», близости от «призраков» Великой Французской революции, навестивших Францию в 1848–1850 гг., непристойным поведением стола в «Капитале» и даже смутными подозрениями в адрес меновой стоимости. Вернее сказать, Деррида авторски относится к «призракологии», считает ее своей, своим творением, но обнаруживает ее у Маркса. Конечно, набор соответствующих текстов тощ как призрак, он и является призраком, даже с добавлением всех комических пассажей о «привидениях» Макса Штирнера в «Немецкой идеологии». Мне кажется, это просто плохо придумано, причем автор «призракологии» давно привык не ожидать для своих творений какого-либо неприятия. Но для некоторых тем рассуждений Деррида «призрачность» служит как бы стилистически цензурной шапкой, под которую подводится вполне разумное содержание.

Всего их, призраков, кажется, пять: личные Марксовы, преследовавшие его, затем — те, которых он сам породил и оставил миру. Есть призраки марксизма, а есть целые кладбища призраков, существовавшие в обществах, где марксизм победил, утвердился, и есть призраки, даже теперь, посмертно, распространяющиеся по миру. Главный же призрак, от коего все беды и в котором также повинен Маркс, — это коммунизм. Нужно сразу отметить, что для 1993 года, когда Деррида обратился к данной теме, его обращение с марксизмом и Марксом было на редкость серьезным — в пределах возможностей. Но и радость от «погибели» коммунизма для европейских левых была велика. Даже А.Негри, патриарх всяческого радикализма, пил шампанское за развал СССР! Поэтому марксистам не следует обижаться на Деррида, ведь для него «призраки Маркса» бесконечно живее, чем для «гегельянского неоевангелиста» Ф.Фукуямы, получившего в книге Деррида привычную серию пинков и апперкетов.

Я бы приветствовал без всяких придирок небольшую главу третью — «Время платить проценты». Здесь Деррида, без обращения к текстам Маркса, объясняет, отчего «верность наследию определенного марксистского духа останется долгом»¹². «Духов», по мнению Деррида, у марксизма много, и следует выбрать нечто определенное. Деррида сохраняет верность критической стороне марксизма и сомнениям относительно идеала либеральной демократии, которая «никогда прежде не представляла интересы столь незначительного и изолированного меньшинства»¹³. Он указывает на эмпирические, реальные «свойства» дурного состояния мира, которые риторику «прав человека» делают похожей «на самую нелепую и бредовую галлюцинацию и даже на все более вопиющее лицемерие»¹⁴. Деррида, таким образом, остается верен духу марксизма как радикальной критики социальной гнусности, в чем он наследует Просвещению, «от которого не надо отказываться»¹⁵. Отчего же нужно быть верным этому духу марксизма, духу радикальной критики? Оттого, сурово констатирует Деррида, что «никогда в истории земли и человечества насилие, неравенство, социальное исключение, голод, а, следовательно, экономическое угнетение до такой степени не затрагивали людей... Никогда на земле такое большое количество мужчин, женщин и детей не находилось в рабском положении, не голодало и не истреблялось»¹⁶. Нужно заметить, что в наши дни, когда интересующейся хоть немножко планетарным положением дел публике доступны материалы различных комиссий ООН, МОТ, Всемирного Банка и т.д., уже нет необходимости читать «левых» людей типа Н.Хомски или И.Валлерстайна — все ясно и так. Поэтому Деррида в этой констатации не оригинален, значительно интереснее его выводы из констатируемого.

Деррида считает, что в настоящих условиях *люди должны осмыслить себя как наследников Маркса* («все люди на земле являются сегодня до некоторой степени наследниками Маркса и марксизма»)¹⁷. Дело в том, что у марксизма нет соперников, это единственный проект освобождения, или, как выражается Деррида, «событие дискурса философско-научной формы, притязующее порвать с мифом, религией и националистической мистикой», причем этот дискурс предлагает впервые новые миро-

вые формы социальной организации, «новые концепции государства, общества, экономики, нации, несколько концепций государства и его исчезновения»¹⁸. Это позволяет Деррида говорить о «задолженности» перед Марксом, пусть это «многообещающее начало» и потерпело крах, несмотря на катастрофы и «тоталитарные извращения». Деррида, я бы сказал, рад и тому, что «эта единственная в своем роде попытка имела место»¹⁹.

Как же понять и оценить это неоднозначное, многослойное отношение Деррида к Марксу и, разумеется, к марксизму? Отметим, что во многих местах книги у автора меняется стиль высказываний. Деррида отказывается от того способа выражения, который напоминает даже не эссеистику, а нечто смахивающее на фельетон. Завитки и виньетки исчезают, автор становится суров, выражается точно и веско. Например, он в таком стиле пишет о ликованиях Фукуямы по поводу победы Pax Americana над будущим человечества. Возможно, напрасно Деррида спорит во второй книжке с «сыновьями Маркса» и их в чем-то наивными оценками. Концепция, им выраженная, заставляет признать, что кроме «право» и «лево» в мире существует и не дает себя никому затоптать отнюдь не нейтральная в политическом смысле *позиция гуманизма* традиционной европейской выделки. Кроме всего прочего, она состоит еще и в резко-негативном реагировании на любое вторжение в сферу испытанных временем гуманистических ценностей. Эта позиция имеет свои, и немалые, недостатки, она нередко близорука, ее могут на разные лады использовать ее же «друзья-враги», но она никогда не исчезала и, надо думать, доказала свое право на бытие в истории. Она не так уж невинна, эта позиция, и не исключает исторической и политической прозорливости. Так, возможно, то, что пишет Деррида о «мессианстве без мессианства» на страницах «Призраков Маркса», имеет смысл указания на важное в близком будущем проблемное поле²⁰.

Книга В.М.Межуева, вышедшая в свет в 2007 г., соединила под общим названием «*Маркс против марксизма*»²¹ статьи на различные темы, написанные автором в последние годы. Общее, объединяющее эти работы в некое смысловое единство, состоит в размышлениях автора над исторической ситуацией России, судьбой общественного устройства социалистическо-

го типа и освобождением наследия Маркса от неадекватных интерпретаций. По всем трем параметрам, как нам представляется, высказано немало разумных вещей, с которыми трудно не согласиться. Поскольку темой обзора является литература о Марксе, то по первым двум ограничимся краткими замечаниями.

Что касается российской истории и нынешнего ее этапа, то сама по себе эта тема еще не созрела до более-менее внятного философского осмысления. Давит «злоба дня», слишком светло для вылета совы богини мудрости. Поэтому многие, активно нынче промышляющие рассуждениями о «судьбах России», просто переводят на различные философские жаргоны собственные эмоционально-политические предпочтения, свои «частные суждения», лишенные необходимой дистанцированности от этих самых судеб. У В.М.Межуева это проявляется, в частности, в наивном европоцентризме, в использовании в целях сравнительных характеристик только стандартно-обобщенного образа «Европы», в демонстрации отсталости и архаичности нашего любезного отечества. Оценки, близкие по смыслу с суждениями уважаемых политических мыслителей ранга Коха, Новодворской и Хакамады, излагаются в традиционно-марксистской лексике («капитализм», «социализм», «революция», «классы») вперемешку с либеральными терминами («модернизация», «гражданское общество», «средний класс»), что само по себе вполне приемлемо, но все же придает текстам некое дополнительно-терпкое очарование. Большая статья о марксизме и большевизме в особенности богата соображениями, выражающими уважение к Европе и некоторую недооценку исторического опыта всего остального мира, который автоматически плюсуется к отсталой и маргинальной России. Или, может быть, я чего-то не понял и весь неевропейский мир бытийствует где-то в ином «месте», где все по-своему разумно и логично, и только русским так не повезло? Но, все-таки эта сторона дела нас почти не касается, нам важны тексты о Марксе.

Можно переходить к Марксу хотя бы потому, что размышления о социализме у В.М.Межуева связаны именно с Марксом, с его концепцией. Если так можно выразиться, соответствующая советская «онтология» остается немного в стороне, проходит под оценочными квалификациями сугубо политиче-

ского характера, с применением страшного слова «тоталитаризм». И это вполне последовательно, так как представления о социализме у В.М.Межуева обладают характеристиками, кои позволяют быть суровым судьей времени от семнадцатого года и до гайдаровских реформ. Что же это за характеристики? Политическая демократия, свобода личности, социально-реформистская внутренняя политика и т.п. Для автора вполне приемлемо также частное предпринимательство, частная собственность, «гражданское общество» в современном толковании, необходим средний класс... Все это В.М.Межуев находит в наличии в любимой культурной Европе и предполагает, что такого рода «начальный» социализм там уже «построен». Но у Маркса имеется и более светлая для человечества перспектива, которую автор явно считает наиболее предпочтительной. Речь идет о концепции роста «свободного времени», «уничтожении труда»; свобода понимается как реализация личностного потенциала каждого, культура и наука — как подлинная суть понятия «общественная собственность»... Не упомяну, идет ли речь об устранении отчуждения, «сущностных силах» человека или о «тотальном индивиде», но уж всяко они легко монтируются в единый смысловой блок с вышеуказанными характеристиками социалистического будущего человечества. Именно будущего, так как в настоящем автор видит только некие ростки оного, причем в развитии всех тех феноменов, которые вспоминаются при разговорах о глобализации, постиндустриализме, сетевом обществе и т.п.

И, наконец, статья об утопизме Маркса. Автор высказывает в ней собственную интерпретацию основных идей, «ядра» философской парадигмы Маркса. Здесь также проговариваются основные положения о культуре, науке, общественной собственности вместе с важными уточнениями об историзме и критицизме Маркса (что, пожалуй, лучше всего изложено в прекрасной статье В.М.Межуева «Время труда и время свободы»). Несколько странновато, что автор как бы предполагает, что осуществление этих прекрасных идей возможно за счет и посредством «рыночного хозяйства», что отмена денег не нужна и достаточно лишь максимально возможного на данный момент расширения рамок индивидуальной свободы. В этом отноше-

нии В.М.Межуев явно не старается стать одним из «наследников Маркса» в дерридарском смысле. Отчего так, становится ясно из анализа представлений автора книги «Маркс против марксизма» об идеологии и утопии. Чтобы рассуждать об утопизме Маркса, нужны же предпосылочные представления о феномене «утопии»? Они и есть, причем заимствованы у К.Мангейма, у которого само различие «идеологии» и «утопии» грубовато и внушает опасения по поводу своей правомерности. Не говоря о некоторой вульгаризации Марковского понятия «идеологии» у Мангейма, достаточно посмотреть на критерии утопии и утопического. «Преобразование действительности в соответствии со своими представлениями» не годится, ибо во всех случаях праксис детерминирован соответствующими представлениями, человек иначе и не может действовать, кроме, разумеется, вариантов с внешним давлением, принуждением и т.п. В наше прекрасное время уже не может помочь критерий «научности», дополнительно вводимый автором, ибо представления о «научности» меняются как дамские моды. Даже праксис Кашпировского был куда как научно оформлен! «Утопическое» как понятие, мне кажется, и вовсе проходит по другому департаменту. Достаточно заметить, что утопиям свойственен тот же симбиоз «научности-идеологичности», что и всему прочему. В меру того, в меру другого, при достаточной условности и того, и другого. Впрочем, тот же мудрый Деррида замечает, что вопрос об «идеологии» вообще, и у Маркса в частности, очень сложен. Что же тут говорить об утопии?

Поэтому у В.М.Межуева и образуются такие странные суждения, как признание Маркса и Энгельса утопистами в качестве «революционеров, радикально мыслящих политиков», поскольку желание «насильственно изменить ход истории всегда утопично». Но в какую же бесконечную армию воинственной публики вписывает здесь автор своих героев? И кто гарантирует кому-либо, что одни путчи и революции насильственно изменяют ход истории, а другие, наоборот, этому самому ходу содействуют или даже сами являются таковым ходом? Не является ли это предметом спора между различными историософскими позициями? «Насильственность», «насилие», «силовые действия»

и т.д., и т.п., — это всеобщие характеристики политического праксиса в мировой истории, и к утопии и утопическому имеют не большее отношение, чем солнечная активность или смена времен года.

В этом году совершенно незаметно прошел юбилей выхода в свет «Манифеста коммунистической партии», все-таки 160 лет, и к этому юбилею был издан небольшим тиражом (1000 экземпляров) текст «Манифеста» с весьма примечательным сопровождением. Речь идет о первоначальных вариантах этого текста, написанных Энгельсом, семи различных предисловиях авторов к изданиям и переизданиям «Манифеста» на разных языках и, главное, о примечаниях и комментариях, написанных лучшим, вероятно, знатоком творчества Маркса и Энгельса в нашей стране Г.А.Багатурией. Работа Г.А.Багатурии — прекрасный пример того, что политико-идеологические предпочтения отнюдь не помеха качественной историко-философской аналитике, если она опирается на высокую степень компетентности и добросовестности. Во всяком случае, это издание будет служить незаменимым помощником изучающим «Манифест», если таковые у нас появятся. В плане пожелания хотелось бы заметить, что давно пора отказаться от подчеркнутого игнорирования роли М.Гесса в творческой эволюции К.Маркса и Ф.Энгельса. Если эта роль была не столь выигрышна, чтобы ее выпячивать, то это все же не причина, чтобы в таких изданиях ее вовсе обходить стороной. Г.А.Багатурия ограничивается замечанием, что конкурирующий с энгельсовским «Проектом Коммунистического символа веры» в 1847 г. вариант М.Гесса был, так сказать, снят с дистанции. Но и самого существования такого варианта в истории достаточно, чтобы его текст сопровождал переиздания «Манифеста» с соответствующим академическим комментарием. Краткой оценки варианта Гесса как «утопического», напротив, недостаточно, поскольку об утопизме самого «Манифеста» споры далеко не завершены. Ничего не припоминается на русском языке о М.Гессе, кроме давней и достаточно бессодержательной статьи Д.Лукача, меж тем как личность и творчество одного из соавторов «Немецкой идеологии» интересны по многим параметрам.

В заключение отметим, что обращение к идейному наследию Маркса в настоящее время и в нашей стране имеет смысл послания к следующим поколениям. Должны прийти люди, которые смогут самостоятельно, без массивного идеологического давления, разбираться в теоретических и политических борениях уходящих веков. И тогда, несомненно, «несгораемые книги» комментаторов Маркса найдут для себя достойное применение.

Примечания

- ¹ *Деррида Ж.* Призраки Маркса. М., 2006. С. 49.
- ² Там же. С. 50.
- ³ *Ойзерман Т.И.* Оправдание ревизионизма. М., 2005.
- ⁴ Там же. С. 31.
- ⁵ *Кантор К.М.* Двойная спираль истории. Историософия проективизма. М., 2002.
- ⁶ *Альтюссер Л.* За Маркса. М., 2006.
- ⁷ *Балибар Э.* Вступительное слово к изданию 1996 г. // Там же. С. 14.
- ⁸ Там же. С. 158–159.
- ⁹ Там же. С. 159.
- ¹⁰ *Деррида Ж.* Цит. соч.
- ¹¹ *Деррида Ж.* Маркс и сыновья. М., 2006.
- ¹² *Деррида Ж.* Призраки Маркса. С. 130.
- ¹³ Там же. С. 118.
- ¹⁴ Там же. С. 120.
- ¹⁵ Там же. С. 130.
- ¹⁶ Там же. С. 126.
- ¹⁷ Там же. С. 133.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 134.
- ²⁰ Там же. С. 84–90.
- ²¹ *Межуев В.М.* Маркс против марксизма. М., 2007.